

Глава 5. Теперь у него есть родные

Хо Син вышел из дома и направился в соседний посёлок. Эту дорогу он знал наизусть, ведь с семи-восемью лет ходил по ней туда и обратно.

Старый охотник умер за год до его свадьбы. Хо Син похоронил его в горах. Там же стояла их простая маленькая деревянная хижина. После его смерти Хо Син, поднимаясь в горы на охоту, иногда останавливался там на ночлег.

От дома до гор Хо Син шёл до глубокой ночи. Местность была ему слишком хорошо знакома, так что он почти не спотыкался и без труда добрался до хижины. Он кое-как привёл себя в порядок, даже не стал зажигать огниво, прислонился к деревянной стене и задремал.

На рассвете Хо Син открыл глаза, поднялся и потянулся, после чего стал искать вещи, оставленные в этом сарайчике. Это были лекарственные травы, которые он когда-то собирал вместе с учителем. Перерыв всё, он нашёл несколько трав, нужных Мяо Ину. К счастью, все они были не слишком редкими.

С одной лишь эцзяо он был совершенно бессилён.

Хо Син сложил найденные лекарства в узелок, потом вспомнил, каким довольным был Мяо Ин, когда ел рыбу. Немного подумав, он отложил узелок, взял лук, стрелы и тесак для хвороста, а затем вышел наружу.

Вокруг убогой хижины росли кругами какие-то неизвестные растения. Ночью он на некоторые из них наступил, и теперь несколько стеблей лежали, пригнувшись к земле.

Хо Син не знал, что это за растения. Он лишь помнил, что ранней весной они покрывались множеством мелких жёлтых цветков, сливавшихся в сплошной ковёр и выглядевших очень красиво. Когда цветы опадали, листья постепенно увядали, а затем появлялись длинные стручки. Созрев, бобы внутри становились чёрными и несъедобными. Но росли эти растения каждый год, сколько их ни выдёргивай.

Стояла зима, и дичи в горах почти не осталось. В расставленных раньше ловушках тоже было пусто, впрочем, зимой это случалось часто. Учитель говорил ему, что охота не должна быть безмерной, нужно давать зверям время. Поэтому зимой Хо Син обычно прекращал охоту и шёл работать в посёлок или уездный город, чтобы поддерживать семью.

Встреча с Мяо Ином стала для него последним спуском с гор. Он увидел Мяо Ина, лежащего в луже крови, и по виду казалось, что надежды на жизнь у него почти нет. Но, подойдя ближе, он заметил, что тот всё ещё дышит.

Не раздумывая ни о чём другом, Хо Син принёс Мяо Ина домой.

Он просидел в засаде всё утро, но ни одна добыча так и не появилась. Подумав, что раны Мяо Ина важнее, Хо Син больше не стал ждать и отправился обратно с лекарствами.

По дороге назад он снова вспомнил сегодняшнюю реакцию Мяо Ина. За те немногие дни, что они провели вместе, он ясно понял, что всё ещё плохо его знает.

Хо Син подумал: если то, что сказал Мяо Ин, правда, и он на самом деле не Мяо Ин, значит, небеса были к нему благосклонны.

Хо Син покачал головой и перестал думать об этом. Сейчас главное — как можно скорее вернуться, вылечить раны Мяо Ина, а потом расторгнуть с ним брак и даровать ему свободу.

Когда он уже почти спустился с горы, вдруг раздался звук хлопающих крыльев. Хо Син тут же обернулся, вскинул лук и натянул тетиву. Стрела со свистом рассекла воздух и... дикая курица упала с дерева.

Хо Син поднял добычу, птица была на удивление жирной. Но в это время года такой жирной дикой курице взяться было просто неоткуда.

Когда он вернулся домой, Мяо Ин уже очнулся. Он сидел у входа и смотрел в небо. Лицо его было смертельно бледным, словно в следующую же секунду он мог умереть.

Глаза Мяо Ина загорелись, едва он увидел жирную курицу в его руках. Он тут же вскочил на ноги, но из-за сильной кровопотери его почти сразу повело, и он едва не потерял сознание. Хо Син поддержал его свободной рукой.

Из дома вышла и Ли Хунъин. Хо Сяобао выглядел ещё взволнованнее, он крутился у ног Хо Сина, не сводя глаз с дикой курицы. А вот бабушки дома не было, похоже, она ушла поболтать с соседями.

— Я поставлю отвар, — сказал Хо Син и, договорив, опустил взгляд на Мяо Ина.

Мяо Ин, совсем как Хо Сяобао, уставился на курицу, не отрывая глаз с неё глаз.

Глядя на неё, он уже в голове перебрал бесчисленное количество способов приготовления: тушёная курица, курица с острым перцем, холодная закуска из курицы, курица в лотосовом листе, «нищенская» курица, бо-бо-цзи... А, нет, стоп, бо-бо-цзи — это не курица.

— Сначала лекарство, — сказал Хо Син.

Мяо Ину ничего не оставалось, кроме как с горечью смотреть, как Ли Хунъин уносит курицу прочь.

Делать ему было особо нечего, и он снова прислонился в стороне, наблюдая, как Хо Син разводит огонь. В деревне Нанькоуба не было гор: зажиточные жители топили печи углём, кто победнее — жгли солому да кукурузные кочерыжки. В доме Хо Сина благодаря ему самому всегда были дрова, принесённые из гор, они аккуратно складывались во дворе. Иногда односельчане покупали у него дрова, что тоже приносило небольшой доход.

Хо Син приготовил лекарство строго по рецепту, поставил котёл и, взяв маленький веер, внимательно начал следить за огнём.

Сегодня солнце приятно согревало. Мяо Ин, прислонившись к столбу под навесом, задремал. Хо Син поднял на него взгляд: из-за потери крови лицо Мяо Ина стало бледным, и в солнечном свете он казался почти прозрачным, словно в следующую секунду мог раствориться и исчезнуть.

Хо Син подошёл ближе, прислушался к его неглубокому дыханию и лишь тогда тихо выдохнул с облегчением. Мяо Ин открыл глаза и с недоумением посмотрел на него:

— Что случилось?

Хо Син покачал головой.

Мяо Ин снова закрыл глаза.

Вскоре лекарство было готово. Хо Син разлил его, дал немного остыть и поднёс к Мяо Ину.

Тот не спал, просто отдыхал с закрытыми глазами. Уловив запах лекарства, он инстинктивно почувствовал тошноту, но, вспомнив про свою рану на голове, всё же зажал нос и осушил чашу одним глотком.

После этого он не решился снова сесть, потому что боялся, что из-за только что выпитого лекарства его тут же вырвет обратно. Он поднялся на ноги и спросил Хо Сина:

— На сколько приёмов хватит этого лекарства?

Хо Син помедлил:

— На три дня.

Мяо Ин кивнул:

— Хорошо.

Постояв немного, он увидел, что Ли Хунъин уже занялась разделкой жирной курицы, принесённой Хо Сином.

Ему хотелось самому взяться за готовку, но, вспомнив отношение Ли Хунъин к нему, он решил, что лучше не стоит. Зачем лишний раз мозолить глаза?

Ли Хунъин зарезала курицу и ощипала её. Хо Сяобао бегал по двору с куриным пером в руке. Мяо Ин позвал его к себе, и мальчишка, не особенно его опасаясь, подбежал, сжимая в руках несколько перьев.

Мяо Ин наклонился к его уху и тихо что-то сказал. Глаза Хо Сяобао широко распахнулись от ожидания. Мяо Ин кивнул и мальчик тут же побежал к бабушкиной корзинке с шитьём, тщательно перебрал лоскутки, выбрав несколько кусочков ткани (правда, все были обрезками) и прихватил заодно бабушкины ножницы.

Он взял ножницы, прорезал в нескольких полосках ткани небольшие отверстия, потом ощупал себя и обнаружил, что при нём ещё есть одна медная монета с квадратной дырочкой. Он перевёл дух и увидел, что Хо Сяобао уже натащил к нему целую охапку куриных перьев.

Мяо Ин улыбнулся, аккуратно разложил несколько красивых перьев, затем вставил их в квадратное отверстие, где были сложены вместе тканевые полоски и монета. Он напихал перья как можно плотнее, чтобы они не вываливались, после чего обмотал их хлопчатобумажной ниткой.

Вообще-то для основы нужно было бы взять несколько монет, но у него их не было.

Хо Сяобао и правда был вне себя от радости. Он, размахивая простеньким воланчиком, побежал к матери. Ли Хунъин, увидев его, даже растерялась. Хо Сяобао не понимал взрослых сложностей и радостно объявил, что это сделала для него невестка.

Услышав слово «невестка», Мяо Ин напрягся всем телом. Он всё ещё не мог смириться с тем,

что он мужчина и его называют «невестка».

Ни одно его движение не ускользало от взгляда Хо Сина. Хо Син отвёл глаза и снова занялся чем-то своим.

Жирную курицу Ли Хунъин разделила на четыре части. К счастью, сейчас была зима, и мясо можно было дольше хранить. У Мяо Ина появилось предчувствие, что эту курицу им придётся беречь до нового года.

Как же хочется мяса...

Надо зарабатывать, подумал Мяо Ин. Когда же кончатся дни, когда даже кусок мяса роскошь? Мысли путались, и его охватила бессильная злость.

Он увидел, как Ли Хунъин, закончив с курицей, собирается выбросить потроха, и тут же поспешно остановил её. Слово «мама» само сорвалось с языка:

— Мам, это тоже можно есть.

Ли Хунъин опешила и посмотрела на таз у себя в руках. Внутри лежала липкая, невзрачная масса. Она нахмурилась:

— Есть? Это?

Семья жила бедно, и если уж совсем хотелось мяса, они покупали дешёвые свиные потроха. Но куриных-то совсем чуть-чуть. Тем более кроме жира, и есть там особо нечего.

Мяо Ин покачал головой:

— Можно, мам. Ты помоги мне их обработать, а готовить буду я.

Ли Хунъин сомневалась, но всё же помогла: обработала куриную печёнку, сердечко, даже крошечные кишки. Она вывернула их бамбуковой щепкой и тщательно промыла.

Вскоре с визитов к родне вернулась и бабушка. Увидев воланчик в руках Хо Сяобао, она на мгновение замерла. Услышав, что это сделала «невестка», она было улыбнулась, но тут же сдержала улыбку.

Сам Мяо Ин ничего особенного не чувствовал. Тело прежнего хозяина натворило слишком много плохого, и то, что семья Хо оставила его у себя и лечит раны, уже великое милосердие.

Незаметно подошло время ужина. Ли Хунъин пустила куриные шеи и лапки на суп и собралась готовить кукурузно-пшеничные пампушки. Мяо Ин ухватил Хо Сина за рукав и спросил, можно ли сделать лапшу.

Куриные потроха с лапшой? Лучшее сочетание.

Хо Син кивнул и пошёл в кухню поговорить с Ли Хунъин. Мяо Ин остался ждать снаружи. Он слышал её недовольное бормотание, но в итоге она всё же принялась месить тесто.

Когда тесто было готово, Мяо Ин тоже зашёл на кухню. Он нарезал куриные потроха, достал немного квашеных овощей и обжарил всё это на курином жире. В другой кастрюле куриный бульон источал густой аромат, у Мяо Ина даже едва слюни не потекли.

Но сначала он сварил лапшу. Она была сделана не из чистой пшеничной муки — получилась неупругой и не слишком вкусной. Зато, стоило смешать её с обжаренными потрохами, как эти недостатки становились незаметны.

Все пятеро ели с аппетитом. Особенно Хо Сяобао. Ли Хунъин заправила ему лапшу куриным бульоном, и он, шумно сопя, умял целую миску.

Готовя собственными руками, Мяо Ин наконец смог наесться досыта. Возможно, из-за бедности в доме всегда не хватало всего, и Ли Хунъин готовила не слишком вкусно. А может, люди здесь просто ели, чтобы не быть голодными, не заботясь о вкусе.

Но в конечном счёте всё упиралось в отсутствие денег.

После ужина Хо Син дал ему выпить лекарство ещё раз. Выпив, Мяо Ин всё так же не решился лечь спать. Увидев, как Ли Хунъин берёт корзину и выходит из дома, он пошёл за ней следом.

Она не обращала на него внимания и шла своим шагом. Вскоре они дошли до огорода. Хотя была зима, земля оставалась зелёной: сочные редьки, круглые кочаны капусты, кольраби, «эрцай»... Всё это окончательно убедило Мяо Ина, что по меркам его прежнего мира это место — Сычуань.

Ли Хунъин пришла выдернуть несколько редек и срезать пару кочанов эрцай — квашеные овощи уходили быстро. Она обернулась и увидела, что Мяо Ин сидит на гребне межи, обняв колени и уставившись на редьку, словно о чём-то думая.

— Если не сможешь подняться, обратно я тебя тащить не буду, — сказала Ли Хунъин.

Её корзина уже была полной. Она поднялась с грядки и, опасалась, что Мяо Ин снова может потерять сознание.

Мяо Ин, опираясь руками о край межи, поднялся и снова пошёл за ней. В эту ночь светила луна, и земля под ногами казалась укрытой инеем. Они шли один за другим, и их тени вытягивались в длинные полосы.

Мяо Ин шёл позади неё и вдруг почувствовал, как внутри поднимается тихое, тёплое удовлетворение.

Переселение — не такое уж и проклятие.

По крайней мере, теперь у него есть родные.

<http://bllate.org/book/16099/1443459>